

В. А. ТЕПЛОВА

«ВЕСТНИК ЕВРОПЫ» КАРАМЗИНА О ВЕЛИКОЙ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ И ФОРМАХ ПРАВЛЕНИЯ

Великая французская революция предопределила ряд основных проблем, которые обсуждались в русской публицистике и журналистике 1790—1800-х годов. Такими проблемами были, прежде всего, итоги самой революции, ее воздействие на Россию: ставился вопрос о возможности и целесообразности насильственной революции и что в русских условиях предпочтительнее — революция или реформы. Оживленно дискуссировалась в периодической печати тех лет и тема просвещения. Дело в том, что в первые годы XIX в. идея насильственной революции была непопулярна. Это объясняется разочарованием (с прогрессивных позиций) в итогах Великой французской революции, не осуществившей «царство разума» на земле. И поэтому даже самые передовые русские политические мыслители не выступали с лозунгом насильственного переворота. Вместо него пропагандировалось просвещение. В числе наиболее актуальных стоял и вопрос о том, какая форма правления лучше вообще и конкретно для России.

Разумеется, что разные политические мыслители решали эти вопросы неодинаково, но на признании важности данных проблем сходились все.

Н. М. Карамзин не был исключением; интерес к французской революции возник у него сразу после парижских событий 1789 г. Меняясь, и довольно существенно, на протяжении последнего десятилетия XVIII в., этот интерес сохраняется и в первые годы XIX в.

Исследователи, занимавшиеся изучением мировоззрения Н. М. Карамзина, часто указывали на отрицательное отношение издателя «Вестника Европы» к событиям во Франции

и на восторженное принятие им общественно-политических порядков начала XIX в. в России. Объяснялось это обычно охранительным тоном его политических убеждений, его консерватизмом или даже «реакционностью».

О более сложном характере общественно-политических воззрений Н. М. Карамзина, эволюции его мировоззрения писали В. В. Сиповский, А. А. Кизеветтер, Г. А. Гуковский, А. В. Предтеченский, П. Н. Берков, Ю. М. Лотман, Г. П. Макогоненко, В. Г. Березина, но специальных исследований, посвященных политическим взглядам Н. М. Карамзина периода «Вестника Европы», почти нет. Между тем значение именно этой эпохи в жизни Карамзина очевидно по двум причинам. Во-первых, потому что политические взгляды Н. М. Карамзина к 1802 г. приобретают большую стройность и в отличие от предыдущих лет в журнале отчетливо проводится мысль о преимуществе истинно монархической формы правления перед республикой и тиранией. Во-вторых, потому что появилась легальная возможность высказывать собственно политические идеи.

Уже в первом номере «Вестника Европы» за 1802 г. напечатана «История французской революции, избранная из латинских писателей». Эта публикация весьма отчетливо выразила отношение издателя к разным этапам французской революции. Резкое осуждение вызывает у него якобинская диктатура, особенно 21 января 1793 г. — «сей навеки черный день во французской истории». Он называет якобинцев безумными, злодеями, осуждает их за террор, за казнь короля, отсутствие добродетели. «Опасные и безрассудные» правила тирании Робеспьера, по его мнению, вооружили против Франции всю Европу. Аналогично восприятие революции и в других статьях журнала — «Всеобщее обозрение»,¹ «О силе Англии»,² «Приятные виды, надежды и желания нынешнего времени»,³ «Несколько слов о новой французской конституции»,⁴ «Торжественное восстановление католической религии во Франции».⁵

Часто, когда говорят о восприятии Карамзиным французской революции, отмечают, что началось оно сочувствием, поддержкой, а кончилось полным разочарованием, осуждением. В общем это верно. Больше того, Карамзин в 1802—1803 гг. не только отрицает революцию и доказывает бесплодность пе-

¹ Вестник Европы, 1802, ч. I, № 1, стр. 72.

² Там же, ч. II, № 7, стр. 256.

³ Там же, ч. III, № 12, стр. 314.

⁴ Там же, ч. VI, № 21, стр. 52.

⁵ Там же, ч. III, № 9, стр. 89.

реворота, совершенного во Франции, но и скептически относится к революционному методу преобразований вообще. И это не было приспособлением к официально принятому толкованию событий революции.

Французская революция, в его представлении, не выполнила ни одной из поставленных перед нею задач. Она стремилась осуществить принцип свободы, но в результате слова «равенство» и «свобода» превратилась в «жестокую насмешку над здравым смыслом людей». Она хотела ограничить самовластие короля, но установила еще более деспотическое правление. Кроме того, революционный метод преобразования общества слишком опасен, ибо грозит многочисленными и ненужными жертвами. А в итоге, «Франция после долговременного странствования возвратилась опять на то место, где была прежде, с той разницей, что королевская власть ограничивалась парламентами и собраниями, а воле консульской должно все покоряться в безмолвии».⁶

Таким образом, революция во Франции завершилась установлением новой деспотии. Нужен ли тот кровавый путь, по которому шло ее утверждение? Нет. Лучше, если преобразование общества будет осуществлено мирным путем, как в Англии 1688 г. Британия находилась в крайне бедственном состоянии, когда там совершилась «благотельная революция без всякого кровопролития». Англичане, по мнению Н. М. Карамзина, основали свободу гораздо благоразумнее и надежнее, чем французы. Факт мирного установления конституции в Англии в XVII в. особенно подчеркивается «Вестником Европы» как факт, достойный подражания самого мудрейшего правительства. Так в статье «О силе Англии» кровопролитной французской революции противопоставляется мудрая и мирная революция в Англии.

Анализ многочисленных статей «Вестника Европы», посвященных французским событиям, показывает, что политический итог революции — установление диктатуры Наполеона — занимает Н. М. Карамзина больше, чем ее социально-экономические результаты.

Такое понимание событий было свойственно не только Карамзину. Отрицательное отношение к французской революции, особенно якобинской диктатуре и наполеоновскому деспотизму, соответствовало почти всеобщему отрицательному отношению к французской революции в России в начале XIX в.

⁶ Несколько слов о новой французской конституции. Вестник Европы, 1802. ч. VI, № 21, стр. 52.

Итоги французской революции разочаровали и А. Н. Радищева. Радищев мечтал вовсе не о том общественном строе, который утвердился во Франции в начале XIX столетия. Об этом свидетельствует его стихотворение «Оснадцатое столетие». Радищев полагал, что французская революция не утвердила счастья человечества, не осуществила чаяний просветителей XVIII в. Об отрицательном отношении А. Н. Радищева в начале XIX в. к якобинской диктатуре свидетельствует также «Песнь историческая», где дается самая резкая характеристика Робеспьера. По жестокости Сулла сравнивается именно с лидером якобинцев:

Сулла меч свой, обгаренный
Кровию доселе чуждой,
Он простер во сердце Рима.
Заградив на жалость сердце,
Хладнокровный был убийца
Всех, ему врагами бывших,
И трепещущие члены
Погубленных граждан Рима
Его были услажденье.
Нет, ничто не уравнился
Ему в лютости толикой,
Робеспьер дней наших разве...⁷

Разочарование во французской революции определило и отрицательное отношение Радищева к насильственной революции вообще.⁸

Аналогичное отношение к событиям во Франции было и у И. А. Крылова. Мы не имеем данных, позволяющих судить о его взглядах на французскую революцию в 1803 г., но в «Санкт-Петербургском Меркурии» они явно скептические.⁹

Даже такие выдающиеся умы своего времени, как П. И. Пестель и Н. И. Тургенев, в 1812—1813 гг. считали, что французская революция принесла лишь одни разрушения, что она скопрометировала идеи французских просветителей. Только с 1815—1816 гг., после заграничных походов, появилась мысль

⁷ А. Н. Радищев, Полное собрание сочинений, т. 1. Изд. АН СССР, М.—Л., 1938, стр. 322.

⁸ Подробно о восприятии А. Н. Радищевым Великой французской революции см.: Ю. Ф. Карякин, Е. Г. Плимак. Запретная мысль обретает свободу. Изд. «Наука», М., 1966, стр. 240—301.

⁹ Имеется в виду «Гимн Клеанта» и «Рассуждение о господине Попе Вольтера», опубликованные в «Санкт-Петербургском Меркурии» (1793, ч. II, стр. 66, 69).

о неизбежности революции, а ее начальный этап, ее результаты оцениваются положительно.

Мало чем отличается решение этих же проблем и в таких интересных периодических изданиях начала XIX в., как «Политический журнал» и «Новости русской литературы». И тот, и другой ставят вопрос: что произвел переворот во Франции? соответствует ли он тем ожиданиям, какие возбудил при своем начале? какая форма правления наиболее приемлема и вообще, и в России конкретно? Решение этих вопросов требует специального исследования. Ограничимся лишь констатацией факта неприятия обоими журналами¹⁰ французской революции и особенно якобинской диктатуры. И «Политический журнал», и «Новости русской литературы» считают, что причина революции заключается вовсе не в неправильно понятых идеях просветителей и распространившемся просвещении, а в невнимании к нему, плохих законах и «худых» правителях предреволюционной Франции.

В решении вопроса о формах правления «Политический журнал» более категоричен, чем «Новости русской литературы» и «Вестник Европы». Он полагает,¹¹ что только монархия с хорошими законами и правителями может обеспечить благоденствие нации и подтверждает эту мысль примерами из истории и современности. Даже древние республики, по мнению «Политического журнала», доказывают преимущества монархии. Республики чаще всего перерождаются в свою противоположность — тиранию — и возрождаются только тогда, когда во главе государства становится сильная личность — Цезарь или Август в Древнем Риме, Наполеон — в современной Франции.

«Новости русской литературы» больше говорят о «монархическом правлении»,¹² смягченном законами и просвещением. Журнал своеобразно понимает республиканское правление. Слово «республика», в его представлении, — общее благо,

¹⁰ Историческое и политическое обозрение 1801 года. Политический журнал, 1802, ч. I, № 1, стр. 12; Дополнение к истории Робеспьеровой и вообще правления, основанного на системе ужаса. Там же, № 2, стр. 156; О могуществе Англии. Там же, стр. 221; Ожидания от французского переворота. Там же, 1803, ч. I, № 1, стр. 28. Ср.: Солоньвы законы. Новости русской литературы, 1802, ч. IV, стр. 102—104; Сон. Там же, ч. II, стр. 67.

¹¹ Политическое произведение новейших переворотных следствий. Новое учреждение итальянской республики. Политический журнал, 1802, ч. I, № 3, стр. 213; Республиканское суждение о нынешних монархах в Европе. Там же, ч. III, № 3, стр. 173; О некоторых древних республиках. Там же, 1803, ч. I, № 2, стр. 154.

¹² Нума Помпилий. Новости русской литературы, 1802, ч. III, стр. 273.

а не «мирное собрание своевольных и дерзких людей». В таком смысле каждое государство, имеющее фундаментальные законы, охраняющее спокойствие граждан и их собственность, есть «республика».¹³ Но тот и другой журнал считают республику возможной только в небольших государствах, число жителей которых не превосходит 20 тысяч, а республику, состоящую из миллионов, — химерой. Отношение к деспотии резко отрицательно в обоих журналах, причем, диктатура Робеспьера трактуется как самое яркое ее проявление. Но в отличие от «Новостей» «Политический журнал» более сдержан в оценке Наполеона. В его представлении Наполеон вывел республиканскую Францию из состояния анархии, но постепенно превращает ее в деспотию.

Подобная оценка форм правления объясняется, конечно, не только разочарованием в результатах французской революции, но и тем, что в начале прошлого века иллюзии, будто Александр I осуществит реформы в России, были очень сильны. Не избежал этого даже Радищев. Об этом же свидетельствуют многочисленные и восторженные публикации в честь молодого императора не только в «Политическом журнале», «Новостях русской литературы» и «Вестнике Европы», но и во всех других периодических изданиях того времени.

Для Н. М. Карамзина во французской революции прежде всего неприемлемым был террор, те «излишества» якобинской диктатуры, которые привели к смерти короля — законного представителя власти. Для него Робеспьер — тиран не меньший, чем султан в Османской империи, хотя личность Робеспьера внушала издателю «Вестника» большие симпатии.¹⁴ А отношение к насилию, деспотии у Карамзина было в течение всей жизни крайне отрицательно. Об этом свидетельствует «Письмо из Парижа»,¹⁵ «Письмо из Константинополя»¹⁶ и статья «О провинциальном начальстве в Османской империи».¹⁷

Революция, по мнению Карамзина, еще раз доказала, что «гражданский порядок священен даже в самых местных или случайных недостатках», что власть его не тиранство, а защита от тиранства, что «несовершенства гражданских обществ

¹³ Солоновы законы. Там же, ч. IV, стр. 102.

¹⁴ См.: Ю. М. Лотман. Поэзия Н. М. Карамзина. В кн.: Н. М. Карамзин, Полное собрание стихотворений. «Библиотека поэта». Большая серия. М.—Л., 1966, стр. 15.

¹⁵ Вестник Европы, 1802, ч. II, № 7, стр. 269.

¹⁶ Там же, ч. I, № 4, стр. 79.

¹⁷ Там же, ч. II, № 7, стр. 264.

должны исправляться законными правительствами». Но восприятие революции у Карамзина никогда не совпадало с официальным ее толкованием. «Вестник Европы» пытается понять, какие общественные перемены, происшедшие в результате насильственного переворота, оказались для Франции благодетельны. Положительное значение революции журнал видит в том, что она обнаружила причины разрушения государств. Но лучше, если преобразование общества будет осуществлено мирным путем, как в Англии. Революции можно избежать, если управлять государством в соответствии с господствующим в нем общественным духом, — основная мысль статьи «О предрассудках в отношении к гражданскому обществу и политике. Письмо к философисту».¹⁸

И в этом «Вестник Европы» не оригинален. Идеи, близкие к «Письму», были вообще широко распространены в конце XVIII в. и в первой половине XIX в. в России. Их пропагандирует еще «Санкт-Петербургский журнал».¹⁹ Подобные же материалы публикует «Сокращенная библиотека» (1800—1804) и даже «Политический журнал».²⁰ Суть «Письма к философисту» в том, что любая страна достигает могущества и расцвета, если правительство ее опирается на дух общества. И наоборот, государство исчезает совсем, если отказывается с ним считаться. Никакая монархия, никакая республика не могут прожить без «предрассудков», так как с ними связаны законы страны. Государь находит в них опору, а подданные защиту от самовластья. Во всех «образованных государствах» предрассудки ограничивают власть деспота. Тот правитель, который не уважает народные предрассудки, губит себя. Примером служит английская революция, изгнавшая Стюартов за то, что они презрительно относились к духу народа. Благоразумнее сохранить предрассудки, чем объявлять им войну. Французская революция показала, что одной из причин, вызвавших это страшное событие, было пренебрежительное отношение к народному духу.

Таким образом, позиции «Вестника Европы» в вопросе о французской революции ясны. Революция вызывает отрицательную реакцию со стороны издателя журнала. Особенно резко осуждается период якобинской диктатуры за его бессмысленные репрессии. Революционный метод преобразований слишком опасен. Он грозит смертью государя, многочислен-

¹⁸ Там же, 1803, № 10, стр. 130.

¹⁹ Санкт-Петербургский журнал, 1798, ч. II, стр. 22.

²⁰ Политический журнал, 1803, ч. II, № 3, стр. 18.

ными и ненужными жертвами. Политический итог революции нелеп, ибо во Франции вновь утвердилось единодержавие.

Пессимизм Карамзина увеличивался от сознания неправильно понятых во Франции идей свободы. В Париже она была основана на правилах «безумной демократии». Такая демократия, в представлении Карамзина, говоря о правах, «забывает должности» и «прибегает к злодейству». В результате свобода превращается в тиранство. Оно-то и разрушило Францию и ужаснуло Европу. На заре революции ждали иной свободы, свободы, которая «скромным образом требует только, чтобы граждане были привязаны к порядку собственным их благом», которая «удаляет необузданность и злоупотребление власти и устраняет любые перемены, связанные с пролитием крови». Она — защита от подобных беспорядков и заключается в точном соблюдении законов «вечных и непременных». Свобода возможна, по мнению Карамзина, не только при демократии. Она может существовать при любом правлении, если будет ограждена от злоупотреблений власти. Истинная свобода возможна только при равновесии властей. Эту мысль он подтверждает историческими примерами: право гражданства в Риме при Цезаре, городские привилегии в средние века, конституционные уставы в новейших империях.

Поэтому все свои надежды, связанные с политическим благодеянием страны, Карамзин возлагает на сильную личность, которая способна в трудных условиях (даже опираясь на военную силу) поднять государство на степень величия. Во Франции — это Наполеон, в России — Александр.

Интерес к личности государя-преобразователя, по-видимому, зарождается у Карамзина еще в 1798 г. На страницах своего «Пантеона иностранной словесности» он не раз обращается к образам Цезаря²¹ или Козраса Парвиша,²² которые своими разумными действиями умели заслужить благословение народа.

Революция во Франции еще раз доказала, что все перемены в гражданском обществе могут быть проведены только верховной властью, говорится в статье «Приятные виды, надежды

---

²¹ Катон и Цезарь. Пантеон иностранной словесности, 1798, кн. III, стр. 286.

²² Последнее слово Козраса Парвиша, сказанное им своему сыну. Перевод из персидской книги Бостона, сочиненной поэтом Саади. Там же, кн. I, стр. 42. — Козрас Парвиш — герой поэтического трактата Саади «Бустан». Козрас Парвиш, глава государства, обращается к сыну с наказом. Основное содержание его составляют размышления по вопросу: что есть истинный царь? По сути это проповедь идей просвещенной монархии в духе Монтескье.

и желания нынешнего времени». ²³ С половины XVIII в. «все необыкновенные умы страстно желали великих перемен и новостей в учреждении обществ». Все они были врагами настоящего, но чувствуя одно зло, они не видели цены блага. Ужасы пожара во Франции научили быть рассудительными. И в настоящее время все лучшие умы отечества идут «под знаменем власти», думают только о том, как способствовать успехам «настоящего порядка вещей».

Отсюда и его интерес к личности Наполеона. С его именем Карамзин связывает восстановление порядка во Франции. Наполеон получил власть во время раздоров, усмирил внутренних и внешних неприятелей. Трудные обстоятельства извинуют самовластный метод управления государством. Заслуга Наполеона в том, что он «умертвил чудовище революции», «даровал мир», «воцарил справедливость, утешил несчастье». Карамзин ²⁴ подчеркивает необходимость твердой личной власти в период революционных потрясений. Но дальнейшее усиление власти Бонапарта вызывает у него опасение: «Кто поручится за то, что его преемник наследует и добродетели Наполеона? Кто поручится за то, что место Марка Аврелия не займет новый Коммод?». С установлением во Франции пожизненного консульства не утвердилась свобода. Ее не было во времена революционных потрясений, ее нет и при Наполеоне. Истинно народная власть покоится на твердых законах, а не на твердой личной власти. Поэтому Наполеон должен ограничить свою власть. ²⁵

Явный противник деспотии, любого вида насилия, Н. М. Карамзин считал, что свобода немислима при этой форме правления. При тирании, где власть заключена в одном лице, существует множество способов к нарушению законности, а в итоге правитель становится жертвой заговора. Отсюда и его двойственное отношение к Наполеону. С одной стороны, он приветствуется как сила, способная утвердить «благие» для Франции порядки, вывести ее из состояния анархии, с другой стороны, провозглашение Наполеона пожизненным консулом вызывает опасение, потому что его власть превращается в деспотическую. ²⁶ Журнал не осуждает Наполеона за то, что тот для

²³ Вестник Европы, 1802, ч. III, № 12, стр. 314.

²⁴ Истинный смысл народного согласия на вечное консульство Наполеона Бонапарта. Вестник Европы, 1802, ч. VI, № 22, стр. 136.

²⁵ См.: Несколько слов о новой французской конституции. Там же, № 21, стр. 58; Известия и замечания. Там же, № 23, стр. 155.

²⁶ Известия и замечания. Там же, ч. V, № 17, стр. 68.

спасения отечества стал диктатором. Осуждается лишь постепенное превращение его в деспота.

Резкое отношение к деспотии, ход французской революции и многочисленные республики, устанавливаемые под протекторатом Франции, определили отношение Карамзина и к республике. Карамзин не отрицает республиканскую форму правления. Но республика была для него мечтой, идеальным строем, неосуществимым в большинстве случаев. Республиканское устройство хорошо, но в небольших странах.²⁷ Если республика может существовать в Лукке, то она немыслима во Франции и тем более в России. Кроме того, жизнеспособность республики определяется уровнем народных добродетелей. Вот почему монархическое правление «счастливее и надежнее». Оно не требует от граждан «чрезвычайности и может возвышаться на той степени нравственности, на которой республики падают».²⁸ Республиканская форма устройства опасна и тем, что здесь возможно перерождение в тиранию. Интересна в этом отношении опубликованная в «Вестнике Европы» за 1802 г. статья под заголовком «Альцибиад к Периклу».²⁹ Суть ее в том, что Карамзин полемизирует с представлением об отсутствии свободы без демократии. Точка зрения Карамзина другая: «нет демократии без мятежей», свобода и счастье для государств, так же как и для каждого человека, «в своих действиях непременно должны быть различны». В его представлении, героем является Перикл, который сумел сделать свой народ «благополучным».

Разочарование во французской революции, современное состояние Швейцарии, Франции, России еще более утвердили Карамзина во мнении, что все перемены в гражданском обществе могут быть проведены только государственной властью. Лицо, осуществляющее ее, — монарх. Следовательно, монархизм Карамзина в 1802—1803 гг. был наиболее реалистическим взглядом на возможность политических преобразований в стране. Революция многое обещала, а государи вместо этих химер добиваются, чтобы каждый гражданин в любом состоянии был доволен, чтобы ни одно сословие не было угнетено. В журнале встречаются утверждения, что спорить о формах правления вообще глупо. Важна не форма правления, а суть

²⁷ Последние политические мысли, предложенные Неккером французскому народу. Там же, № 20, стр. 301; Известия и замечания. Там же, ч. VI, № 21, стр. 319; С.-Маринская республика. Письмо одного немецкого путешественника в 1801 г. Там же, стр. 63.

²⁸ Вестник Европы, 1802, ч. V, № 20, стр. 319—320.

²⁹ Там же, ч. I, № 1, стр. 9.

политики правительства. Лучшее из них то, которое «справедливее и попечительнее других».³⁰ Примером благоденствия страны при власти монарха-законодателя служит республиканская Франция,³¹ которая на самом деле есть «истинная» монархия, и Пруссия Фридриха Великого.

С установлением во Франции «истинной» монархии «все приняло новый вид». Она ежедневно избавляется от остатков мятежной революции. Ее внешняя и внутренняя политика «достойны удивления не меньше, чем победа при Маренго». «Деятельное и благоразумное правительство» ее работает над созданием правил гражданских законов. Это новое законоположение во Франции будет защитой от злоупотреблений власти, основой ее благополучия, ибо «случайные законы», которые она имела в революцию, «уподобились плавающим доскам на бурном море». Но тут же делается оговорка, что новое законодательное уложение должно быть не только хорошо, но и «пристойно», то есть умеренно, ибо истина в политике, так же как и добро нравственное, всегда бывает между двух крайностей.

Приветствуя «истинную» монархию во Франции, журнал приветствует и Наполеона как силу, уничтожившую якобинскую диктатуру, как восстановителя «истинной» монархии под названием Республика, как власть, проводящую в государстве важные политические преобразования. Поэтому у Карамзина вызывают опасения попытки французских роялистов реставрировать монархию Бурбонов. Не в них он видит силу, способную осуществить преобразование Франции. Таково «Письмо из Парижа»,³² опубликованное во второй части «Вестника Европы» за 1802 г. Речь в нем идет о реакции роялистов на постановку в Париже драмы «Эдуард в Шотландии», в которой рассказывается о внуке Якова II Карле Эдуарде, последнем Стюарте, пытавшемся завоевать трон своих предков и побежденном в Шотландии герцогом Комберлендским. По сути, это была открытая демонстрация против существующего порядка в поддержку Людовику XVIII. Поступок роялистов расценивается

³⁰ Там же, ч. IV, № 13, стр. 17.

³¹ Доказательства в пользу «истинной» монархии приводятся во «Всеобщем обозрении» (Вестник Европы, 1802, ч. I, № 1, стр. 66), в «Последних политических мыслях, предложенных Неккером французскому народу» (там же, ч. V, № 20, стр. 301), в «Изображении состояния Французской республики, предложенной консулам и Законодательному совету» (там же, ч. I, № 1, стр. 84), в «Речи депутатов Французского законодательного совета в ответ консулам на обнародованную ими картину Республики» (там же, № 2, стр. 66), в статье «О просвещении» (там же, № 1, стр. 41).

³² Вестник Европы, 1802, ч. II, № 7, стр. 269.

как безрассудный. Симпатии автора явно на стороне «республиканской Франции».

Именно такая монархия, по мнению Н. М. Карамзина, существует в России в начальный период правления Александра I. И именно с этих позиций «Вестник Европы» приветствует молодого императора. Россия, в его представлении, не деспотия, так как правление Александра I началось с издания мудрых законов. В России уже существуют «бессмертные памятники» законодательства. Осталось только разные части его свести в единый законодательный свод со строгим разделением власти законодательной, исполнительной и судебной. Сила, способная осуществить «благие» преобразования в России, — монарх. Он живет единственно для счастья подданных. «Он предупреждает опасность мудростью или отражает ее великодушием, держа твердо рукою жезл правления», — говорится в статье «О Московском мятеже в царствование Алексея Михайловича».³³ Поэтому любое восстание против законной власти — бунт.

Таким образом, изменения в социально-политической жизни России, по мнению «Вестника Европы», должны произойти не революционным путем. Революционный способ преобразований был скомпрометирован «излишествами» французской революции. Журнал решительно отвергает его и противопоставляет ему другой путь развития — английский, путь мирных и постепенных преобразований. По нему и должна пойти Россия. Тем более что она имеет реальную силу, способную осуществить преобразования. Эта сила — новый император. На него и возлагает надежды в 1803 г. Н. М. Карамзин.

---

³³ Там же, 1803, ч. XII, стр. 119.